

Трилемма Андреева: “Елеазар”, жуткое и способность Бога

12.12.2024

Кэтрин Литтл

Вступление

Русский писатель и драматург Леонид Андреев, несмотря на постоянную борьбу с депрессией и пьянством, добился немалого успеха от своих литературных произведений в своей родной Российской империи и за границей, благодаря вниманию к поэзии языка, уникальному пишущему голосу и умению вызывать страх у читателей. Его голос особенно слышен в его скептической интерпретации религии и человеческой природы, которыми Андреев очень интересовался. Он писал в своем дневнике, что “[он] разрушит и мораль и установившиеся человеческие отношения, разрушит любовь и религию и закончит свою жизнь всеразрушением” (“Биография”). “Елеазар” написан в 1906 году в экспрессионистском стиле, который характеризует произведения Андреева, и является одним из самых известных его рассказов и интерпретирует историю библейской фигуры Лазаря. Разные комментарии к Евангелию в общем согласны с тем, что воскрешение Лазаря было предвестником предстоящего воскрешения всех, кто верит в Христа, и последним чудом, совершенным Христом перед его распятием. Однако Андреев использует этот контекст, чтобы представить воскрешенного Лазаря (по имени Елеазар в рассказе), который из смерти возвращается “неправильно” и становится символом не новой жизни, а страха смерти у всех живущих. Описание “неправильности” Елеазара – литературный приём, чтобы наводить ужас на читателя из-за конкретного чувства

“unheimlich” (“жуткое” по термину Фрейда и “зловещее” по термину Масахиро Мори). “Жуткое” является таким типом ужаса, который рассказ вызывает, и тем, что разрешает рассказ исследовать параллельный мир к библейскому.

Лазарь в Библии

В целом рассказ о Лазаре в Библии (*Синодальный перевод*, 2000) составляет несколько абзацев. Читатель смотрит на воскрешение с точки зрения стороннего наблюдателя: Иисус вызывает Лазаря, и он выходит из пещеры, в которой находилась его могила: “обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком” (Иоанна 11:44). Это – все. Рассказ продолжается без него, потому что по целям библейского нарратива он выполнил свое предназначение. Это предназначение объяснил Иисус в Библии только перед описанием Лазаря:

Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня. (Иоанна 11:41-42)

Лазарь был воскрешен, чтобы показать всем, кто верит в Христа, будет так воскрешен в последний день (как Марфа говорит Христу после того, как он говорит ей, что ее брат воскреснет, думая, что он говорит о страшном суде [Иоанна 11:23-27]) (Броди, 1998; Эдвардс, 2004). Лазарь – пример возможностей Бога. Написав “Елеазара”, Андреев взял эту более или менее простой рассказ, чтобы создать историю ужаса. Он представил то, что

случилось, после того, как Иисус и апостолы ушли и оставили воскресшего Лазаря (Елеазар в рассказе, вероятно, чтобы звучало ближе к подлинному языку Библии) в доме его сестер.

Анализ “жуткого”

Зигмунд Фрейд постарался развить определение для немецкого слова “unheimlich” в отличие от слова “heimlich” (уютное, родное и привычное) в 1919 году в эссе “Жуткое”. Он объяснял, что в эссе хотел больше узнать об особенностях этого страха:

Таково «жуткое». Нет сомнений, что оно относится к тому, что вызывает испуг, страх или ужас, так же верно и то, что это слово не всегда употребляется в четко определенном смысле, так что вообще чаще всего совпадает именно с вызывающим страх. Но все же мы вправе надеяться, что существует своеобразное ядро, оправдывающее употребление особого слова-понятия. Хотелось бы знать, что является таким общим ядром, которое, возможно, позволит распознать «жуткое» в рамках вызывающего страх...

Он отметил, что на многих языках нет слов для определенного типа страха и перешел к анализу появления слова в немецкой литературе, чтобы найти примеры слова. Он увидел, что слово было использовано писателями, описывающими такие явления, как “оторванные члены, отрубленная голова, отделенная от плеча рука, как в сказках Хауфа, ноги,

танцующие сами по себе, как в [...] книге А. Шеффера” и “то, что связано со смертью, покойниками, с возвращением мертвых, с духами и с привидениями”. Что-то в этих явлениях вызывает чувство “жуткого”. Это замечание также было сделано инженером Масахиро Мори в 1978 году в статье “Зловещая долина”, где он описывает похожесть роботов на человека, что вызывает чувство неуютности и страха в людях:

Можно сказать, что протезная рука получила уровень сходства с человеческой формой, может быть на уровне с ложными зубами. Однако, когда мы осознаем, что рука, которая на первый взгляд выглядела настоящей, на самом деле искусственная, мы испытываем зловещее ощущение. Например, мы могли бы быть напуганы во время рукопожатия его слабой бескостной хваткой вместе с его текстурой и холодом. Когда это происходит, мы теряем чувство близости, и рука становится зловещей.

Исследования и Фрейда, и Мори приходят к выводу, что “жуткое” вызвано чувством неправильности, связанным со знакомым и бытовым. Хотя статья Мори, конечно, сосредотачивается на человеческом теле, поскольку речь идет о виде роботов, читатель может заметить, что явление “жуткого” связано с эмоциями о неправильности тела, частей тела и поведения. Это именно тип страха, вызываемого описаниями внешнего вида, поступков Элезара и то, как другие его воспринимают.

Описание внешнего вида Елезара

Описания внешнего вида Елеазара составляет основу повествования — они являются, по словам Андреева, “[теми зловещими странностями], которые со временем сделали страшным самое имя его” (192).

Другие герои вначале слишком заняты празднованием воскрешения своего друга и два дня не замечают изменения во внешнем виде Елеазара. Он сидит живой в центре праздника, но читатель понимает, что тело его не тело живого человека. Его воскрешение дало ему основные материалы жизни, не давая ему истинную жизнь.

Очевидно, разрушительная работа смерти над трупом была только остановлена чудесной властью, но не уничтожена совсем; и то, что смерть уже успела сделать с лицом и телом Елеазара, было как неоконченный рисунок художника под тонким стеклом. (192)

Рассказ в деталях описывает несколько аспектов его внешнего вида, которые указывают на это состояние “немертвости”, и были бы в большинстве ситуаций, чтобы описать внешний вид трупа. Он по сути продолжает гнить даже после того, как он был воскрешен. Его вены пусты от крови, поэтому он принимает синий цвет: “на висках Елеазара, под его глазами и во впадинах щек лежала густая землистая синева; так же землисто-сини были длинные пальцы рук, и у выросших в могиле ногтей синева становилась багровой и темной” (192). Следы того, откуда ушла кровь и жидкости из тела, тоже видны на коже: “кое-где на губах и на теле лопнула кожа, вздувшаяся в могиле, и на этих местах оставались тонкие, красноватые трещинки, блестящие, точно покрытые прозрачной слюдой” (192). Места, в которых раньше была ушедшая кровь и телесные жидкости, теперь полна газов и жидкости гниения, делая его тело тучным. В решающей степени, вздутость Елеазара

является неестественной: “раздутое в могиле тело сохранило эти чудовищные размеры, эти страшные выпуклости, за которыми чувствуется зловонная влага разложения” (192-3). Читателю напоминает о разнице между раздутым трупом и живым человеком, который просто много ест. Андреев описывает тревожный контраст между окружением Елеазара и его внешним видом, создавая эмоциональный эффект, при котором празднующие одевают мертвое тело, а не человека, таким образом, каким дети играют с куклой, действительно думая, что она жива: “Теплые взгляды любви тянулись к лицу [Елеазара], еще сохранившему холод могилы; и горячая рука друга ласкала его синюю, тяжелую руку” (193). После того, как близкие, наконец, понимают, что новый Елеазар необратимо изменился, они пугаются его и оставляют его одного в его доме. Он остается в одежде, в которую он был одет в день своего воскрешения, и одежда вместе с ним начинает гнить:

Как надел он их в тот счастливый день, когда играли музыканты, так и носил, не меняя, точно не видел разницы между новым и старым, между рваным и крепким. Яркие цвета выгорели и поблекли; злые городские собаки и острый терн пустыни в лохмотья превратили нежную ткань. (196)

Однако Елеазар известный, любимый и близкий человек, одетый в веселую одежду, тело Елеазара является напоминанием другим о том, что случится с их телом после смерти. Глаза его являются центром этого напоминания: “[темные и страшные стекла], сквозь которые [смотрит] на людей само непостижимое Там” (205). Чувство “жуткого”, о котором говорили Фрейд и Мори, достигается единством смерти и жизни в одном и том же человеке.

Описание поведения и поступков Елеазара

Поведение Елеазара также способствует созданию атмосферы рассказа, особенно контрастом его физического внешнего вида, чтобы вызвать чувство жуткого. Как обсуждалось в предыдущей главе, тело воскресшего Елеазара – противоречие: это живой труп. Тело гниет, и все же оно вынуждено продолжать жить, неся на себе следы смерти. Подобным образом поведение Елеазара противоречиво: он продолжает жить, но без эмоций и желаний. Неопределенность этого поведения добавляет к ощущению жуткого: ни другие персонажи в рассказе, ни читатель не могут определить, действует ли Елеазар таким образом, потому что он не способен действовать, как живой человек, или потому что ему безразлично вести себя, как живой человек.

Все описания поступков Елеазара являются контрастом по отношению к единственному описанию его характера до смерти и тому, как он изменился после воскрешения.

До смерти своей Елеазар был постоянно весел и беззаботен, любил смех и безобидную шутку. За эту приятную и ровную веселость, лишенную злобы и мрака, так и возлюбил его Учитель. Теперь же он был серьезен и молчалив; сам не шутил и на чужую шутку не отвечал смехом; и те слова, которые он изредка произносил, были самые простые, обыкновенные и необходимые слова, столь же лишенные содержания и глубины, как те звуки, которыми животное выражает боль и удовольствие, жажду и голод. Такие слова всю жизнь может говорить человек, и никто никогда не узнает, чем болела и радовалась его глубокая душа. (193)

Его смерть по сути сделала его не-существующим: оболочкой его прежнего “я”, не любящим, не говорящим, не желающим. Если бы Елеазар не был воскрешен, а просто умер, он оставался бы прежним Елеазаром в памяти близких. Однако он в самом деле был воскрешен и поэтому не только умер, а был уничтожен, так как его натура была изменена. Это тот же Елеазар и в то же время необратимо другой.

Он не любит. Страх и отвращение стремительно уходящих близких ему безразлично. Когда его любимые сестры, в конце концов, уходят от него навсегда, оставляя его одного, он никак не реагирует: “[Н]е поднялся он, не вышел, не посмотрел. И всю ночь до утра свистели над его головою кипарисы, и жалобно постукивала дверь, впуская в жилище холодную, жадно рыскающую пустыню”. (196) Сидя без движения и грусти в доме, он почти становится частью холодного пейзажа, — равнодушный, как пустыня. Ни радость, ни доброта других, ни красота мира не влияет на него. Дети соседей приносят ему еду и так, как они “были равнодушны к нему, [таким] же равнодушием платил Елеазар: не было у него желания приласкать черную головку и заглянуть в наивные, сияющие глазки”. (196) Когда римский император Август предлагает ему посетить его, путешествие не привлекает Елеазара: корабль, на котором он плывет к Августу “нарядный и самый печальный корабль, который отражался когда-либо в лазурных волнах Серединного моря” (203) и он “[ступает равнодушно] на улицы Вечного города” (203), несмотря на радость и жизнь вокруг него. Когда Август спрашивает его, христианин ли он, он отвечает “нет”. В конце описания воскрешения, сделанным Учителем, которого любил Елеазар в своей первой жизни, воскрешенный делает открытие, что это самое воскрешение убило эту любовь.

Он не говорит никогда кроме тех случаев, когда ему предлагают. В самом деле, Елеазар только говорит девять раз в рассказе, каждый раз используя такие простые слова, какие рассказ описывает раньше “[теми звуками, которыми] животное выражает боль и удовольствие, жажду и голод” (193). Он говорит проходящему соседу, что сидеть и смотреть на солнце приятно. Он отвечает на вопросы Аврелия, который посетил его, и Августа. Единственный раз, когда он *не* говорит, показывает читателю, почему он так мало говорит. Когда человек на праздновании в начале рассказа спрашивает его, “что было там?”, Елеазар просто молчит. Говоря проще, он столкнулся с неопишным и ничего после этого не должно быть сказано.

Он ничего не хочет кроме одного: быть в тепле. Он не кормит себе без помощи соседей, не носит одежду, кроме той, в которую он был одет на праздновании и в Риме, и позволяет его жилище разлагаться. Его желания совсем ушли кроме желания сидеть на солнце:

Днем, когда беспощадное солнце становилось убийцей всего живого и даже скорпионы забивались под камни и там корчились от безумного желания жалить, он неподвижно сидел под лучами, подняв вверх синее лицо и косматую, дику бороду. (196-7)

Только это занятие, кажется, приносит ему кажущееся удовольствие — только это ему приятно, как он говорит соседу и создает впечатление, что “так, вероятно, силен был холод трехдневной могилы, так глубока тьма ее, что не было на земле ни такого жара, ни такого света, который мог бы согреть Елеазара и осветить мрак его очей...” (197) Ночью Елеазар уходит из своего дома и ходит “прямо на солнце, как будто [стремится] настигнуть его”

(197), продолжая искать жару солнечного света. В конце рассказа он гибает, ходя за солнцем, как всегда: “вечером, когда, краснея и ширясь, солнце клонилось к закату, за ним медленно двигался Елеазар... и на красном пологие зари его черное туловище и распростертые руки давали чудовищное подобие креста” (209). Он воскрешением был навсегда отделен от самого основного ощущения.

Причина его поведения оставлена неопределенной. Есть вероятность, что Елеазар не мог вернуться к своему старому поведению просто из-за смерти. В повествовании есть другая вероятность: он не любит, не говорит и не хочет ничего, потому что он принял решение, что ему ничего не надо. Его переживание смерти полностью разрушило его психику, и поэтому ничего из того, что жизнь может предложить, ему никогда больше не понадобится. Все застыло для него в момент смерти, поэтому он больше либо не должен, либо не может поступать, как человек. Из этого представления — то, что что-то совсем другое более или менее носит кожу человека — происходит чувство жуткого.

Описание восприятия Елеазара другими

Самый ощутимый аспект страха в рассказе является тем, как другие относятся к Елеазару и его духовный и психологический эффект на них. К нему не относятся, как к человеку, а как к опасному животному и естественному явлению. Во время воскрешения Елеазар уже прекратил быть человеком и стал судном смерти и всех переживаний, связанных с ней. Встречающиеся с ним люди внезапно понимают конечность всего и всех. Через это понимание они становятся такими же, как и Елеазар.

Елеазара особенно боятся другие из-за его глаз. Эта тема вводится в рассказ в сцене, в которой один из празднующих спрашивает Елеазара о том, что он видел после смерти. Елеазар не отвечает на его вопрос, и вместо этого, смотрит “спокойно и просто, без желания что-либо скрыть, но и без намерения что-либо сказать -- даже холодно [смотрит] он как тот, кто бесконечно равнодушен к живому” (194). Все рядом с ним стремительно узнают, что он действительно пережил, и уходят с праздника. Смотреть на те глаза уничтожают желание жить в других:

Не переставало светить солнце, когда он смотрел [на глаза Елеазара], не переставал звучать фонтан, и таким же безоблачно-синим оставалось родное небо, но человек, попавший под его загадочный взор, уже не чувствовал солнца, уже не слышал фонтана и не узнавал родного неба. Иногда человек плакал горько; иногда в отчаянии рвал волосы на голове и безумно звал других людей на помощь, но чаще случалось так, что равнодушно и спокойно он начинал умирать, и умирал долгими годами, умирал на глазах у всех, умирал бесцветный, вялый и скучный, как дерево, молчаливо засыхающее на каменистой почве. (194-5)

Они видят то, что он раньше видел — неумолимое движение времени, и в их глазах “еще только рождался человек, а над головою его зажигались погребальные свечи, и уже тухли они, и уже пустота становилась на месте человека и погребальных свечей; и, объятый пустотою и мраком, безнадежно трепетал человек перед ужасом бесконечного” (198). Скульптор видит, что все искусства и красоты — ложь. Сталкивающиеся с ним

граждане Рима видят, что их радости не могут быть сравнены с реальностью смерти. Император Август видит в глазах Елеазара не только распад своей империи, но распад всей человеческой цивилизации. Глаза Елеазара, по сути, передают основное понимание и жизни, и смерти — что все умрут — и эта идея слишком тяжела для большинства людей, которые на самом деле понимают это. Само существование Елеазара – ошибка, потому что смерть естественно является поездкой в один конец, а он *вернулся* из этой поездки:

Если бы сама смерть проходила, не более пугались бы ее люди, ибо до сих пор было так, что смерть знал только мертвый, а живой знал только жизнь -- и не было моста между ними. А этот, необыкновенный, знал смерть, и было загадочно и страшно проклятое знание его. (205-6)

Принося запрещенное знание из загробного мира в обычную жизнь, Елеазар делает нечто худшее, чем убийство других: он превращает их в жутких существ, подобных себе, которые не мертвы, но, безусловно, уже не являются по-настоящему живыми.

Заключение

Переосмысливая персонаж Лазаря, как страшную, пытающуюся имитировать чудо, фигуру, Андреев описывает что-то, что очень отличается в тоне от подлинного библейского повествования. Однако оно не совсем забыто, так как читателю очевидно, что Елеазар Андреева, на самом деле, *был* мертв и, на самом деле, *был* воскрешен. В рассказе также очевидно, что что-то случилось с воскрешенным Лазарем. Рассказ предлагает

читателю философскую трилемму, похожую на трилемму зла Эпикура: *почему Елеазар был воскрешен “неправильно”*? Только три потенциальных ответа есть на этот вопрос:

- 1) Бог не мог воскрешать Елеазара “правильно”, поэтому смерть сильнее, чем Бог и Бог не всемогущий.
- 2) Бог мог воскрешать его “правильно”, но не знал, что Елеазар будет причинять страдания, поэтому Бог не всезнающий.
- 3) Бог не хотел воскрешать его “правильно” и знал, что Елеазар будет причинять страдания. Это значит, что Бог хотел, чтобы другие страдали, и что он не любящий.

Любой из трех вариантов ответа, конечно, будет страшен любому религиозному читателю, но и не религиозные читатели сопереживают персонажам рассказа и представляют с ними трилемму, вызванную воскрешением Елеазара. В этом едином опыте страха так реально и жутко описанный Андреевым, и проявляется жанр рассказа “Елеазар” — рассказ-ужас.

Библиография

Mori, M., MacDorman, K. F., & Kageki, N. (2012). The uncanny valley [from the field]. *IEEE Robotics & automation magazine*, 19(2), 98-100.

ЛЮЦКАНОВ, Й. (2022). ИНОНАХОДИМОСТЬ, ИЗОЛЯЦИЯ И СМЕРТЬ: ОПЫТ ЕЛЕАЗАРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА. *УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. СЕРИЯ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX-XXI ВЕКОВ: НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕЧЕНИЯ Учредители: Уральский государственный педагогический университет*, (3), 12-29.

Макаров, Д. (2023). Парадокс воскрешения Елеазара (по повести ЛН Андреева «Елеазар»). Слово и образ. Вопросы славяно-русского языкознания и литературоведения, (1 (8)), 90-115.

Синодальный перевод (2000). Библия-центр.

https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/synnew_ru/joh/11#ed_sel=synnew_ru

Межебовская, В. В. (2019). Библейские мотивы в рассказе Л. Андреева "Елеазар". Вестник Оренбургской духовной семинарии, (3), 126-135.

Фрейд, З. (1919). Переводчик Р. Ф. Добельцев. Жуткое. Проект “Весь Фрейд.”

<https://freudproject.ru/?p=723>